

18+

Сергей Пилипенко
Тайны имперской канцелярии

Сергей Пилипенко

Тайны имперской канцелярии

«ЛитРес: Самиздат»

2013

Пилипенко С. В.

Тайны имперской канцелярии / С. В. Пилипенко — «ЛитРес: Самиздат», 2013

Книга представляет читателю один из моментов нашего исторического прошлого и всего лишь на немного приоткрывает тайну, скрывающуюся в годах. Готовы ли мы принять все за правду? Способны ли к переоценке всей той исторической чепухи, которую нагородили ранее вовсе не из простых соображений? Об этом узнается позже и уже после прочтения. А пока лишь можно познакомиться с самим сюжетом, наполненным своеобразными приключениями и доброй мистикой.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	18
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Пролог

Знающие или нет, но их всех объединяет одно – общее и весьма обстоятельное незнание существа происходящего и произошедшего когда-то там позади.

Сама история наша так сложно запутана, что не дает просто возможности определить ее истинное значение для нас самих во времени настоящем.

Виновных много по делу тому печальному. От самых простых писак, что в угоду своему честолюбию слагали бог знает что, до самых значимых исторически оккультных личностей, то есть первых лиц государств и ведомств, их же и представляющих.

Сложилось так, что вся та история наша просто расплзлась по швам в тугих своих папках и разлетелась в стороны теми или иными листами.

Собрать все то бесполезно. Так же, как бессмысленно пытаться хоть что-то там усмотреть в плане каких-либо достоверных для самой истории сведений.

Нет более лживого повествования в современном мире, чем тот доставшийся продукт прошлого под названием задокументированный факт.

В этом потрудились многие. И с пользой для себя, и с выгодой для кого-то и даже просто ради баловства или химеры злостной.

Все это есть и, действительно, было, чего нельзя сказать о части сотворенной истории иных представителей рода человеческого, которые также к тому подвержены только в гораздо меньшей величине и по большому счету только ради достижения какой-то славы присутствия в тех самых документах исторического характера.

По Руси же нашей великой, а точнее, по ее задокументированным фактам истории прошли словно стадом каких баранов, истоптав все на корню и "выследив" тем самым все, что было и что можно было бы подобрать в последующем.

Потому, история Руси, России и так далее по пути возрастания до самого большого государства СССР – есть не что иное, как свод зарегистрированных документов откровенно лживого и не соответствующего реальному положению дел характера.

Так сложилось исторически и, увы, теперь того не переделать.

Единственная возможность добраться до тех самых сведений – это извлечь от самой природы человеческого создания сведения в виде ячеек памяти, сохраняющихся, так или иначе, в пространстве на многие века.

Технологии добычи подобного рода сведений пока в достаточно развитой базе не существует. Есть лишь единичные попытки, основанные на голом энтузиазме отдельных личностей из состава самой ученой среды.

Но это вопрос будущего и в целом оно подтвердит сейчас сказанное, сотворив чудо всеобщего раскупоривания нашей памяти. А то, что информация содержится именно в ней – думаю, сомнений быть не должно.

Сейчас же в наше время мы можем довольствоваться только тем, что, как говорится, может быть под рукой.

Это самостоятельная добыча информации путем извлечения ее самой силой внутреннего индивидуализма.

Это та сила, что призвана руководить человеком и по-простому именуется подсознанием.

Но не будем вдаваться в вопросы данной сложности и попросту воспользуемся уже полученными результатами, ознакомившись с представленным ниже материалом.

И хотя многое выходит за рамки своего истинного прилежия в плане исторически чистого выражения, все же настоящая ценность сведений не утрачена, а это и есть самое главное в деле доиска всякого исторически свершившегося факта.

Возможно, это даст более верную оценку всему тому времени и достроит за нас тот самый мир, что мы так и не смогли до конца полюбить.

Во всяком случае, это наилучшее, что можно пока предложить для торжества главного – справедливого восстановления прошлого.

Но для этого, как говорится, надо еще потрудиться и не только кому-то одному, а в целом достаточно многим.

Этим выразится наша любовь к самим себе и улетит прочь, так называемое, пренебрежение любым фактом исторического значения.

Глава 1

Дверь, казавшаяся издали каким-то темным пятном в стене, немного приотворилась, и в ее проеме появилась чья-то лысая голова.

Глазки беспокойно забегали по кабинету и остановились на широком дубовом столе, окрашенном почему-то в строгий синий цвет, и неизвестно почему обитый зеленим сукном с красной каймой по бокам.

Тускло светила настольная лампа, и в ее бегающих бликах чуть-чуть отражалось лицо охранника, то и дело клевавшего носом в какую-то раскрытую перед ним книгу.

Лицо и голова просунулись тихонько дальше, а затем показалось и само тело, одетое в серого цвета пиджак с каким-то прибабаханным галстуком-бабочкой, почти гороховой расцветки, такими же серыми штанами, чуть ли не сползающими с его владельца и замызганной до соплей белой рубашке, рукава которой ярко выделялись на фоне темной двери.

Охранник все также мирно клевал носом и не обращал внимания на это бесцеремонное вмешательство в его тайную повседневную жизнь.

Наконец, черная тень отделилась от двери и тихонько скользнула внутрь помещения. Спустя секунду, где-то там, в глубине ярко загорелась переносная керосиновая лампа, и силуэт удалился еще дальше.

Дорога проходила меж огромных по своей высоте книжных стеллажей, располагающихся по обе стороны.

Человек поминутно оглядывался назад, словно боялся, что чья-то хитрая рука из темноты схватит его за шиворот и вышвырнет вон, так и не дав до конца сотворить задуманное.

Наконец, он остановился возле одной стороны с пометкой буквой "О" и протянул руку вверх.

Что-то зашуршало внутри, и человек живо ее отдернул назад, в опаске оглядевшись по сторонам. Но, очевидно, поняв, что это всего лишь мышь, он снова осмелел и взял то, что, как считал, ему по праву принадлежало всегда.

Еще раз, перелистав и наскоро ознакомившись с содержанием документов, человек удовлетворенно хмыкнул, закивал головой, и, захлопнув их так, что пыль полетела в стороны, собрался уже было уходить, как вдруг, почувствовав что-то неладное, оглянулся назад.

Огромные глаза, как угли в темноте, смотрели на него белыми зрачками, а большие и лохматые руки тянулись к его документам.

Человек испугался и даже чуть вскрикнул, прикрывая рот рукой и одновременно роняя лампу на пол.

Керосин растекся у него под ногами, а трут безнадежно погас. Но то, что стояло впереди, все так же смотрело в упор и протягивая огромные ручища.

Это было видно даже в окружавшей темноте. Наконец, человек не выдержал и бросился бежать в сторону двери, ловко подныривая под те руки и крепко прижимая папку в своей груди.

К его удивлению, никто за ним не гнался, и уже возле самой двери он, остановившись, посмотрел назад.

Охранник, как ни в чем не бывало, все так же упорно клевал носом, издавая лишь иногда небольшое бульканье или мурлыканье, а его уже совсем старое лицо освещала настольная лампа. Больше ничего не было.

Человек перекрестился несколько раз и потной рукой вытер со лба лившиеся капли пота. Это мало помогло, но все же на несколько секунд мысленно успокоило и дало возможность так же тихонько выскочить за дверь и плотно прикрыть ее с обратной стороны.

Спустившись по небольшой лестнице, а затем поднявшись вверх по довольно крутому металлическому каркасу такой же лестницы, человек оказался возле огромной дубовой двери.

Здесь он так же аккуратно и очень осторожно отодвинул засов в сторону, а затем, вначале высунув голову и осмотревшись по сторонам, тихо вышел наружу.

На улице было спокойно. Людей не было, да это и понятно. Стояла ночь, а часы отбивали четыре. Холодный, почти резкий воздух сжимал человеку его легкие.

Но он, не обращая на все это внимания, шел по тихому переулку и крепко сжимал под мышкой драгоценную папку.

Здесь было все его состояние, а, точнее, он сам: давно забытый людьми и давно отвергнутый ими, как величина большая по смыслу и по самому светскому положению.

Человек был обыкновенным вором, и это задание ему поручили совсем недавно, дав как предварительное вознаграждение какой-то пошлый костюм и эту злополучную горохового раскраса бабочку.

Он с силой рванул ее тут же свободной рукой и бросил на мостовую, но затем, пройдя всего лишь несколько шагов, все же вернулся и подобрал, сунув небрежно в карман, в котором слегка позвякивали его подобранные ключи от наружной двери тайной канцелярии.

Пристав, дежуривший в ту ночь возле нее, был у знакомой ему дамочки, которая всего лишь за небольшую плату согласилась в этом помочь.

А тот, сидевший внутри, был с вечера подпоен вином со снотворным, так же удачно подсунутым в качестве рождественского подарка.

Человек был в костюме, хотя на улице стояла зима, но это его не смущало. Бывало в стужу встретишь и вовсе раздетого, но это ведь не обозначало, что он вор, либо кто-то еще.

Так ходили многие из горожан, не желая лишний раз пачкать верхнюю одежду и сохраняя свои меха. Конечно, многим бы показалось странным, что человек, шедший по улице в такую ночь, был не обут как все в галоши, а просто в легкие парусиновые туфли, повидавшие на своем веку многое и, очевидно, многих, судя по их расплывающемуся в стороны виду и уходящими вверх и в стороны носками.

Но в то же время, его легко можно было принять за бежавшего домой горе-любownika, застигнутого на месте преступления чьим-то мужем.

Единственным подозрением была папка, которая слыла под рукой, и время от времени оборачивающийся назад взгляд, почти бежавшего человека.

Но и это вполне весомо могло сойти за правду, если отнести его же к категории каких-то студентов-десятников, разгуливающих часто по улицам с подобными бумагами под рукой.

Но вот вскоре улица подошла к концу, и человек свернул во двор. Опустившись по довольно темной лестнице, он тихо, но в то же время четко постучал: сначала два, а затем кратко три раза.

Дверь приоткрылась, а потом мгновенно открылась, и человека почти силой втащили внутрь.

Послышались небольшие звуки борьбы, а затем все стихло.

Спустя минут пять в маленьком тусклом окошке загорелся свет, и появилась человеческая тень.

Через время свет погас, тень исчезла. Затем дверь скрипнула и высокий, довольно хорошо одетый человек вышел спокойно на улицу, держа в руках маленький чемоданчик.

Цилиндр украшал его голову, а легкая трость придавала полный этюд его костюму, определяя к той изнуряющей себя категории населения, которую зачастую можно было отнести к дворянской или, в крайнем случае, мещанской.

Но внешность порой бывает обманчива, и это дает право на то, чтобы человек не всегда верил своим глазам, а действовал согласно давно изложенной конституции его мышления – обыкновенной интуицией.

Но, к великому сожалению многих, это чувство не было развито в достаточных его пределах, и это же давало возможность таким людям свободно маневрировать меж человеческих душ и спокойно передвигаться в пространстве.

Человек, державший в руках небольшой чемоданчик, вовсе не относился к той, указанной выше категории.

Но в то же время, явно не относился и к категории противоположной. Он определял сам себя, как достопочтеннейшего гражданина великодержавной московской иерархии и являлся одним из основных претендентов на самую иерархическую власть.

Монах Василий – так кратко именовали его те, кто знали очень мало и, в основном, по делам, совершенно не имеющих отношения к делу праведничества и искупления греха.

Так звали его и те, кто прочил ему власть в ближайшее время после смерти одного из настойчивых сынов царских кровей.

Но мало кто знал под настоящим его именем и уже совсем никто под истинным. Все было решено очень давно, и даже самые последние свидетели гибели его отца были уничтожены.

В кругах, приближенных к императорским, он был широко известен как отец Варфоломей, обладающий недюжинной силой и возносящийся в церковной иерархии чуть ли не к самому высокому званию.

Сейчас этот симпатичный господин чинно и мирно продвигался по улице Булочной, и, судя по его походке, был очень доволен результатом своего труда.

В чемоданчике лежала та самая злополучная папка, которая сулила многим успех и давала власть прямо в руки, если к ней приложить хоть капельку своего ума и фантазии.

Отец Варфоломей не жил на этой улице и довольно скоро свернул на Заводскую, а затем Пролетную.

Вскоре он подошел к крыльцу большого здания и тихонько дернул за колокольчик. Спустя минут пять послышалось какое-то недовольное сопение, а затем гортанно-низкий голос спросил:

– Кого там черти носят поутру? – и дверь немного приоткрылась.

Завидев фигуру отца, женщина поспешно перекрестилась и, как бы моля, произнесла:

– Ох, извините, отец. Наверное, с дуру ляпнула такое, – бормотала она, хлопая себя ладошкой по лбу.

– Ничего, ничего, Прасковья, – ласково зазвучал довольно низкий голос отца Варфоломея, – бывает..., у всех бывает..., – и, отодвигая рукой с тростью ее в сторону, фигура шагнула внутрь.

Дверь быстро затворилась, и вскоре в одной из комнат вспыхнул свет.

Отец Варфоломей сел за стол и принялся тихо изучать вновь изъятые им документы.

В его комнату постучали.

– Да, – грозно откликнулся он, отодвигая стул в сторону, а папку закрывая, – войдите, кто там?

– Это я, батюшка, – залепетала все та же женщина, пытаясь хоть как-то загладить свою вину, – чайку, не изволите ли?

– Что ж, не мешало бы, – спокойно и мягко зазвучал его голос, – ты вот что, Прасковья. Никого ко мне пока не пускай. Мне нужно господу помолиться нашему и давай поскорее чай, не то застыну здесь...

– Я сейчас, сейчас, – заторопилась женщина, выходя из комнаты.

Отец откинулся на спинку стула и грозно забарабанил пальцами по столу. Несколько минут спустя в комнату внесли чай, и голос снова смягчился:

– Эх, Прасковья, коли б была ты молодой, то отдал бы тебя учиться, – говорил он, попивая чай из старинной чашки с блюдцем.

– Куда ж мне учиться, батюшка, – взмахивая руками и разводя их в стороны, – отвечала сокрушенно та, – не велено господом-то учиться. Другие пусть ентим занимаются, а мне куда уж. Мне вот свое дело нужно хорошо исполнять. Вам угождать. На все воля господа нашего, – и она перекрестилась.

– Так-то оно так, – снова грозно отвечал человек, – только все и думаю, что недолго осталось...

– До чего, батюшка, – непонятливо ублажала его голосом женщина.

– А-ах, тебе не понять, – отвечал он, отмахивая рукой в сторону и чуть было не обронив блюдце на пол, – все.., все суета господня. Надо самим, самим смотреть в корень. Глубже смотреть, понимаешь, – и он посмотрел на рядом стоявшую женщину, так и застывшую от его слов.

– Вижу, не понять пока, – с сожалением выдохнул он, передавая уже пустую чашку.

– Куда уж мне понять-то, – снова ответила та, отступая чуть-чуть в сторону, словно уходя от его дружеского похлопывания, – это вот вам, да иным господам нужно знать енто все. Мы обождем.

– Ладно, ладно, ступай, а то, чай, застынешь тут со мной раздетая.

– И то правда, батюшка, – и женщина, откланявшись, побрела за дверь, оставляя за собой следы босых ног на полу.

– Вот так и живем, – грустно вымолвил отец Варфоломей, смотря на закрывающуюся за ней дверь и испаряющиеся следы ног, – пожил век и уходи, даже следа не остается, а кто виноват? Сами же, а кто еще. Эх-ма, не было у нас ничего хорошего и вряд ли будет, хотя, кто его знает, может, что и решим погода...

Дальше отец, оставив свои мимолетные раздумья, вновь склонился над папкой, изучая содержимое с особой тщательностью, ему присущей. В некоторых листах он слегка делал пометки ярко-синим карандашом, при этом слюнявя его ртом.

– Надо будет тут доработать, – думал он про себя, то и дело, надавливая на карандаш и перелистывая дальше.

Но вот, спустя час, он закончил свое занятие и с удовольствием потянулся на стуле.

Захлопнув сильно папку, он завязал ее перевязью и сунул себе под подушку.

– Пора бы и отдохнуть, – тихо сказал он, ложась прямо в одежде на кровать, и минуту спустя в комнате послышался его негромкий храп.

Заглянула женщина в небольшую замочную скважину и, перекрестясь, так же тихо сказала:

– Поспи, поспи, золотой, а то невесть какая наука. Подождет немного. Отдохнуть-то надо телу-то. Душа, чай, замерзла на улице. Надо бы протопить печь, – и она шагнула в сторону от двери.

Бомкнули часы и прокуковали шесть.

Страна собиралась с силами, а люди все так же ходили по ней нагишом...

Глава 2

В комнате невыносимо пахло спиртным и мятой, на что стоявший в ней человек рядом с принимавшим его в своих высоких апартаментах царем, то и дело, крутил во все стороны носом.

– Что? Не нравится? – удивлялся царь, облачиваясь на золоченый резной стул, – терпи, я ведь терплю вас с вашими запахами и прочим человеческим добром.

– Да, нет. Я бы не сказал, что так сильно пахнет, но в носу щекочет и чихать хочется, – отвечал ему человек, державший в руках какой-то поднос с тем неведомым ему лекарством, которое принимал внутрь и обтирался снаружи государь.

– Потерпи еще чуток. Еще два дня и я совсем здоров буду, – сказал он, снова приподнимаясь на стуле и делая очередной заход лекарственного препарата.

– А, что это такое? – спросил тот же человек, указывая на небольшой флакон и коробочку с сухим порошком.

– О-о, да, ты что, никогда такого запаха не встречал? – удивился царь. – Это же мята и обычная водка с перцем. Здорово помогает и особенно при простуде.

– Нет, не слышал. Я ведь родом не из России, – отвечал человек, принимая на поднос флакон и коробочку.

– Ну и что? – удивился снова император. – Я тоже не отсюда, но отношусь, как положено и стараюсь знать больше, – и он поднял вверх руку.

– Как, не отсюда? – залепетал растерявшийся человек, и чуть было не обронил поднос.

– Да, это я так, пошутил, – засмеялся царь и хрипло зашелся кашлем, а отхаркавшись, продолжил, – иногда позволяю себе высказаться по иному, чем думают служащие. Оттого и не понимают меня порой...

– А-а, – протянул, было, его собеседник, – а я уж было грешным делом подумал, что... – тут он осекся и как-то жалостливо посмотрел на Его Величество.

– Что подумал? – так же полушутя спрашивал царь. – Что я из Германии или от шведов? – и снова засмеялся.

– Да, – признался честно говоривший, – у нас ведь, вы знаете, слухи всегда бродят за спиной.

– Не верь, – строго приказал ему император, подняв указательный палец вверх, – не верь никаким слухам. Руководствуйся только своим знанием, тогда будешь разуместь. Понял меня?

– Да, – как-то опасливо ответил собеседник, втайне боясь, что царь на него прогневадается.

– Ладно, – успокоил его император, – уноси все это и не забудь сам проделать то же, что и я, иначе долго буду болеть.

– Что? Как? Этим? – задал вопросы обескураженный слуга.

– Да, этим, а чем же еще. И долго не задерживайся, потому как будешь мне нужен.

– Сию минуту, – слуга поклонился и вышел.

– Вот так всегда, – недовольно сказал царь, осматривая свои апартаменты, – никому нельзя в голову втолковать что-либо подобное. Чуть что, сразу относят к немцу. Ну, да ладно. Бог с ними. Поймут когда-то, что на Руси и свои цари править могут.

Спустя минуту царь оделся и был готов к началу своего обычного рабочего дня.

Было уже восемь часов, и он ждал доклада Тайного Императорского Советника, с которым вчера поздно вечером оговаривал некоторые политические вопросы.

– Куда же он запропастился? – думал царь о своем, только что ушедшем камердинере. – Пора и честь знать, – хотя в душе понимал, что времени прошло очень мало.

В дверь постучали и вошли.

– Разрешите, Александр Павлович, – спросил вчерашний знакомый голос.

– Да, – спокойно ответил император, указывая рукой на недалеко от него стоявшее кресло, – а это, кто с тобой?

– Тайный агент, – отвечал так же спокойно вошедший, – случилось непредвиденное.

– Что такое? – проронил царь.

– Кто-то ночью проник в канцелярию и унес документы особой важности.

– Конкретно? – строго спросил царь, вставая со своего законного места.

– Пропала папка с документами на «О», – ответил тот четко и по-военному.

– О чем там? – без тени самодовольства в верховной власти спросил царь.

– Конкретно расскажу позже, – ответил Тайный Советник, – а сейчас, попрошу у вас разрешения снабдить сего человека документом, удостоверяющим его отношение к тайной службе и отправить на розыск.

– Хорошо, – ответил царь и тут же резким размахом пера подписал документ, поданный все тем же Советником.

Тот аккуратно сложил его вчетверо и, обернувшись к лицу, стоявшему позади него, сказал:

– Я думаю, что вы справитесь с этим поручением, – и вручил бумагу.

– Покорно благодарю за доверие его Величество и вас так же. Не подведу. Не сомневайтесь, – и человек, откланявшись, вышел из комнаты.

– Кто это? – усомнился царь в таком преданном извращении.

– Да так, мой опытный человек, – не совсем доверительно отвечал глава имперской канцелярии – Иван Федорович.

– Темнишь, ой, темнишь, – улыбнулся царь, но тут же, резко меняя разговор, спросил, – так, что было в том документе и о чем идет вообще речь?

– В принципе, дело-то пустяковое, – развел руками советник, – сторож уснул, пристав отлучился на минуту, а документ исчез. На месте пропажи обнаружена разбитая лампа с растекшимся керосином. Очевидно, вор был неосторожен или испугался чего-то. Но, как бы там, ни было, папка исчезла. Не помог даже след, оставленный от порожка его ногами. То ли галоши размокли, то ли урод какой-то, но след разлапистый и нечеткий, хотя я догадываюсь, в чем тут дело.

– И в чем же? – недовольно спросил царь, вновь усаживаясь на свое место.

– Скорее всего, на нем вовсе не было галош, – невозмутимо спокойно отвечал начальник тайной полиции, – потому, и след расплывчатый.

– Резонно, – отвечал ему царь, – а, что же с самой папкой. О чем там?

– Да, так, – неохотно отвечал все тот же советник, – все на «О».

– И что сие значит? – любопытствовал дальше царь.

– Околот, острог, окрыжник и т.д., – начал было ломать комедию тот.

– Ладно, отвечай открыто, – резко сказал царь, склоняя голову в его сторону.

Человек подошел ближе и шепнул на ухо царю несколько слов.

– Что ж, весьма серьезно, стоит над этим подумать, – ответил император, снова облачиваясь на спинку своего царственного стула.

– Меры я принял, – доложил тут же советник, – но, на всякий случай, решил убрать часть особо важных документов в другое помещение.

– И куда же? – уточнил царь.

Тот снова подошел к нему вплотную и прошептал на ухо.

– Ну, что за жизнь такая, – вслух произнес император, – даже поговорить нельзя спокойно в своем кабинете.

– То-то и оно, – согласился с ним советник, снова отступая в сторону и садясь в предложенное ранее кресло.

– Итак, кому-то понадобилось полюбопытствовать, – продолжил царь, нервно перебирая пальцами по кончику подлокотника своего стула, – что ж, будем искать. Сколько дней вы хотите?

– Я думаю, трех-четырёх будет достаточно, – отвечал ему глава канцелярии.

– Согласен, действуйте, но не забудьте: я ко всему прочему отношения не имею.

– Я знаю, – чуть улыбнулся советник, – вы бы просто пошли и взяли, что нужно.

– Нет, я не взял бы, – возразил ему царь, вставая, дав этим понять, что аудиенция закончена, – я просто приказал бы принести сюда и положить на этот стол.

– Согласен, – в свою очередь, произнес человек и, поклонившись слегка головой, развернулся и зашагал прочь из комнаты.

Царь снова сел, забарабанив пальцами по столу. Вошел камердинер и, как бы извиняясь за столь долгое отсутствие, произнес:

– Государь, видит бог, я торопился, но еле успел, – при этом поднимая свои красные глаза на царя.

– Ты что, лицо окунал в это? – удивленно спросил тот.

– Да, – ответил слуга, – вы ведь приказали и мне принять все это.

– Да, приказал, – согласился царь, – но ведь не умываться, а принять немного внутрь и тело чуть-чуть растереть.

– Извините, значит, я ошибся, – отвечал ему камердинер.

– Ладно, ничего не произойдет, если пойдешь и помоешь холодной водой лицо и побыстрее, а то глазья свои сожжешь. Иди же скорее.

– Сию минуту, – сказал слуга и бегом кинулся на выход.

Очевидно, от раствора сильно пекло лицо и сами глаза.

– Вот, дурья голова, – сокрушился царь, – видел же, как я это делаю. Специально, что ли?

Но так и не найдя ответа, царь, пройдясь по комнате несколько раз, снова сел за стол и начал перебирать бумаги.

Под руки попался документ о казни нескольких мужицких семей за околотничество, и царь как-то непринужденно вздохнул:

– Не унимаются звери. Век казни, а толку мало. А может, мало казню? – задумался он над этим. – Да, нет же. Вроде не оставляю подобных случаев. Так это я, а другие? Те внизу, что сидят подо мною. Может, они прощают, а потом винят меня в излишней жестокости?

В комнату снова зашел камердинер, и царь поднял голову. Лицо слуги немного посветлело, а вот глаза оставались красными.

Он тупо уставился на своего государя и ждал, что тот ему скажет.

– Ну, сделал, что я тебе говорил?

– Да, только почему-то все одно щиплет.

– Ничего, пройдет, а сейчас, вот что. Давай, одевайся и сходи в тот заморский магазин, что недавно построил грек. Знаешь, где это?

– Да, – уверенно отвечал тот, зная, о ком идет речь.

– Так вот, купи у него соли, немного спиритуса и возьми еще бальзам: такую маленькую коробочку. Он знает.

– Немедленно отправляюсь, – почему-то обрадовался слуга.

– Ну, и ступай с богом, – ответил ему царь, возвращаясь к своим документам.

Но сегодня работа почему-то не шла. Мысль о краже как-то с самого утра надломилась ему душу.

То ли, может, он просто еще не до конца выздоровел, а то ли просто ночью плохо спал, но голова гудела и тревожно отстукивала в виски.

Царь встал и в очередной раз прогулялся по кабинету. Затем подошел к окну и посмотрел вниз. На площади собирались какие-то люди, спешившие ко дворцу словно на пожар.

– Это еще, что такое? – забеспокоился царь, отступая в сторону и звоня колокольчиком.

На звон забежал его рассыльный, одетый, как и все придворные, в ливрею и бахрому.

– Что там на площади? – строго спросил царь.

– Не могу знать, – отвечал тот по-военному.

– Так сходи и узнай, что там происходит и позови ко мне моего советника.

– Слушаюсь, государь, – ответил рассыльный и удалился из комнаты.

«Что могло случиться?» – думал за это время царь, не понимая сути происходящего и так же тревожно всматриваясь в окно.

Раздался стук в дверь и вскоре показался его ближайший советник.

Это был невысокого роста человек, сухой и поджарый, но в то же время обладающий весьма незаурядной внешностью.

Чем-то он напоминал царю горца, разве что ростом был мал, да черты лица явно не подходили.

– Чем могу служить? – спросил советник, склоняя голову в небольшом поклоне.

– Вы можете меня проинформировать о том, что происходит на улице? – так же строго спросил царь.

– Нет, – отвечал ему человек, открыто глядящий прямо в глаза.

– А почему? – удивился царь. – Вы ведь по должности должны это знать.

– Знать-то должен, – отвечал советник, – только вот не знаю, о чем идет речь. Скорее всего, это обычная проходная мольба.

– Что-то не похоже, – усомнился в его словах царь, – слишком уж громко звучит колокол, да и людей побольше.

– Не знаю, я что-то ничего не замечаю, все как и обычно, – отвечал тот, подойдя к окну и посмотрев вниз.

– Ну, что ж, коль не знаете, тогда идите и позовите сюда..., – тут царь прервался, но потом продолжил, – ладно, никого не зовите, ступайте.

– Слушаюсь, – ответил советник и удалился из комнаты.

Царь снова остался один. Что-то мешало ему сегодня нормально мыслить, и он никак не мог прийти к какому-либо выводу, отчего это так. Наконец, устав ото всего этого, он решил присесть на стул. Но, только сев, вспомнил, что ему сегодня не сделали ежедневный осмотр.

– Что бы это могло значить? Может, лекарь заболел? А-а, нет, – вдруг, вспомнил он, – я ведь ему вчера приказал не приходить. Господи, что это сегодня у меня с головой. Словно ветер какой-то погулял, – и царь опять встал со стула, протягивая руку к табакерке, но вовремя вспомнив, что уже давно бросил это занятие, сразу ее одернул назад.

– Нет, наверное, я окончательно болен, – тихо прошептал он, чувствуя, как последние силы покидают его самого.

Он в изнеможении остановился и уселся уже на кресло. Почему-то замутило, и к горлу подступила тошнота.

«Не иначе, как переборщил с лекарством», – подумал он, откидывая голову на спинку кресла.

Тошнота немного отступила, но через короткое время возобновилась с новой силой.

Приступ рвоты был такой неожиданный, что он едва успел добежать до своего умывальника.

Освободившись от излишнего в своем организме, царь облегченно вздохнул и, умывшись, прошел к своему традиционно занимаемому месту.

По телу пробегал небольшой озноб, и это создавало чувство необычайного холода, отчего царь, съжившись, сидел на стуле и смотрел в потолок.

Наконец, это начало отступать, и ему стало немного легче. Спустя еще минут двадцать, царь облегченно вздохнул и, помотав головой со стороны в сторону, произнес:

– Куда же подевался мой рассыльный?

И словно на его вопрос в дверь тут же постучали, и влетел запыхавшийся человек. То был его камердинер. Глаза его, и без того красные, ярко горели огнем, а вид был такой, словно искупали в воде.

– Государь, государь, там на улице творится неизвестно что. Люди, давка, крики.

– А где полиция? – сурово произнес царь, вставая со своего стула и приближаясь к окну,

– Там же, но они почему-то стоят и ничего не делают.

– Ты принес то, что я просил?

– Да, – ответил камердинер, протягивая руку с коробочкой и доставая остальное.

– Выбрось, – тут же приказал царь и позвонил в колокольчик.

Вошел дежурный офицер и, четко приставив ногу к другой, кивнул головой.

– Вызовите срочно начальника охраны и прикажите доставить сюда срочно главу тайного приказа.

– Слушаюсь, – ответил тот и, отдав честь, вышел из комнаты.

– Сходи, переоденься и быстро ко мне, – сказал царь, обратившись к камердинеру.

– Сию минуту, – ответил тот и, покрутив в руках коробочку, бросил ее в урну с мусором, а затем быстро скрылся за дверью.

– Так, так, так, – тихо проговорил царь, – значит, заговор за моей спиной. Кто же так усердно рвется к власти, уж не мои ли дальние родственники? Надо срочно разобраться во всем этом. Жалко времени маловато.

Что-то больно кольнуло в само сердце и царь, неожиданно сам для себя, пошатнулся.

– О, господи, – тихо пролепетал он, присаживаясь снова на стул, – что это со мной сегодня? Не иначе смерть-матушка подступает, – и небольшая пелена застелила на мгновение ему глаза.

Вдруг, он резко выпрямился, судорожно глотнул воздух и, натянувшись как стрела, так и застыл, глядя куда-то в потолок.

Его глаза уже ничего не отражали, а только блестели в той окружающей его синеве, понемногу заволакивающей все во дворце.

Забегал рассыльный и, завидев царя в таком положении, начал отступать назад, посекундно крестясь и молясь про себя.

– Господи, помилуй мя, господи..., – а, дойдя до двери, быстро выскочил наружу и закричал.

– Царю плохо, царь-батюшка помирает, лекаря поскорее сюда, – и понесся к небольшой комнатке последнего.

Прислуга забегала, засуетилась, тревожно переглядываясь между собой.

Никто не решался войти в комнату царя, за исключением личного камердинера, который незамедлительно прилетел на крик рассыльного. Спустя минуту он вышел и тихо прошептал:

– У царя на губах пена. Это, наверное, от лекарьств, что он ими натирался.

Наконец, возвратился рассыльный, держа в руках маленький чемоданчик. За ним едва попевал сам лекарь, практически на ходу натягивая свой выходной сюртук

и закладывая монокль в глаз.

Собравшиеся расступились и впустили его внутрь. Спустя минуты две, он вышел и, тревожно озираясь по сторонам, заговорил:

– Царь мертв, удушен. Это, скорее всего яд какой-то змеи, так как у него пена бледно-розового цвета и, очевидно, были судороги..., – здесь он прервался и снова посмотрел по сторонам, – кто-то отравил батюшку-царя. Уж, не ты ли часом? – обратил взор он на камердинера.

Тот испуганно попятился назад и залепетал:

– Вы что, вы что, господь с вами, я ничего такого ему не давал, за исключением его же лекарств и небольшого завтрака.

– А где это все? – поинтересовался лекарь.

– У меня в покоях. Ну и зловоние от них идет, я вам скажу.

– А где же все? – с тревогой озиралась прислуга по сторонам, – почему никого нет. Даже дежурный офицер исчез?!

– Царь сам его уснул куда-то, я слышал, – проронил кто-то из собравшихся.

– Странно все это, – тихо прошептал лекарь и зашагал в сторону своей комнатухи.

– Эй, куда же вы? – завопила какая-то женщина, – а нам, что делать?

– Дождитесь, – сухо промолвил тот и добавил, – мое дело поставить агностию. Я это сделал. Остальное, дело начальников. И лучше в комнату пока не ходите. Пусть, кто-то из них туда войдет первым.

На этом он повернулся и спокойно зашагал по коридору.

Люди непонимающе посмотрели ему вслед, и кто-то произнес:

– Ну и ладно, коли так. Раз никому до этого дела нет, то и мы подождем. Давайте, расходитесь по своим местам, – и люди двинулись, кто куда.

– А мне, что же прикажите делать? – развел руками камердинер, но ему так никто и не ответил.

Постояв примерно с минуту, он тоже повернулся и пошел к себе.

Тело царя так и оставалось не тронутым никем, и все находилось в той же позе, пока кто-то, тайком проникший внутрь откуда-то изнутри, аккуратно не стер платком с его губ и подбородка пену и тихо прикрыл глаза рукой в белой накрахмаленной перчатке.

Затем, с минуту поднатужившись, он усадил царя аккуратно на его законный стул и в великом напряжении попытался придать ему естественный вид.

Кое-что из этого получилось и мужчина, отойдя в сторону и осмотрев выполненную работу, с удовольствием причмокнул языком и почему-то потер руками.

Затем снова, подойдя к телу, он поправил несколько наград и тем же платком подтер пену на полу. Остались едва заметные пятна только на одежде, но они были столь незначительны, что человек попросту махнул на них рукой, думая о том, что вряд ли кто придаст этому какое-то значение.

После этого, отойдя в сторону и убедившись досконально, что все выглядит естественно, человек довольно причмокнул языком и зачем-то кивнул головой.

Затем он подошел к столу и порылся в бумагах. На глаза попался документ о казни нескольких, почти царственных кровей людей.

Человек сунул его в карман, а затем подложил другой документ, подтверждающий их невиновность и освобождающий от наказания. После этого он сунул в руку царя бумагу, а на столе опрокинул чернильницу.

Чернила разлились и покрасили ту часть документа, где должна была стоять подпись самого царя.

Человек снова отошел в сторону и опять удовлетворенно причмокнул языком. Все выглядело более, чем естественно. Царь умер за своим последним занятием.

С минуту покрутившись еще по комнате, человек так же бесследно исчез, оставив после себя лишь часть некоторого дурного запаха от своего костюма.

Человек работал в морге и занимался трупами. Все это он сделал по указке только ему известной личности и не сомневался в исполнении всех обещаний, сделанных тем.

Он опустился в полуподвальное помещение и минут пять шел по довольно темному коридору.

Где-то вдали показался небольшой огонек, затем на секунду исчез, но потом снова загорелся в темноте.

Так повторилось несколько раз. То был сигнал, данный человеком, пославшим его на это весьма щекотливое дело.

Через минуту они встретились. Трупник подал молча документ, и встретивший, прочитав, мгновенно поднес его к огню. Затем положительно кивнул головой и полез в карман за обещанной наградой.

Сухо треснул в полуподвальном помещении выстрел, и исполнивший волю пал на холодный пол.

Встретивший ощупал его руку и проверил дыхание. Затем зачем-то вонзил ему нож в нанесенную пистолетным выстрелом рану и несколько раз покрутил внутри.

После этого сунул глубже и подержал: секунд пять. Возникшее было до этого, хрипение прекратилось, и тело скоро вовсе застыло.

Огромный рост встречавшего позволял ему взвалить тело убиенного на себя и отнести вглубь этого темного коридора.

Остановившись возле какой-то давно заброшенной комнаты, он скинул его и отволоч в укромный угол.

Человек не сомневался, что через три дня от этого тела останутся только кости. Здесь полным полно было крыс и даже голодных собак, неизвестно откуда пробиравшихся с улицы.

Он вытащил нож и обтер об полы довольно замызганного пиджака убитого. Затем поднялся и быстро ушел в темноту.

Через час эта комната наполнилась крысами и собаками. Жуткий вой исходил от нее и отпугивал всех желающих узнать, в чем там дело. К вечеру все стихло.

Только в углу уже находился не убитый, а его обглоданные добела кости.

Лишь небольшие кусочки разорванной материи валялись разбросанными в стороны и только одна маленькая металлическая деталь откатилась подальше в сторону от места его пребывания. То была пуговица, одна-единственная, на которой держались его штаны.

На ней четко был выгравирован знак NP и что-то вроде гербоносного венца по кругу. Величиной она была с пятикопеечную монету, и тускло поблескивала в проникающих лучах лампы случайно забредшего сюда человека.

Тот, опустившись на колени, поднял ее и осмотрел. Затем положил в карман и двинулся дальше, так и не обратив внимания чуть далее, в угол комнатунки. Тихо скрипнула обшарпанная дверь, и свет унесся вместе с человеком,

Обглоданные крысами кости мрачно подсвечивали в темноте, и наполняли своим небольшим светом холодную окружающую мглу.

Человек скрылся в пустоте коридора, и только кровожадные глаза крыс наблюдали за ним со своих нор.

Спустя минут пять все стихло, и воцарилась мертвая тишина. Лишь изредка были слышны стуки падающих капель воды на холодную землю, и только иногда доносились гулкие шаги, да еще топот откуда-то сверху со стороны.

Мрак поглотил все это в себе и наполнил тишину новым звуком. Завыванием двери и жужжанием сброшенной пружины.

После чего все стихло вновь и обрело вечный покой, давая понять, что холодное прикосновение смерти и есть то, что иногда называют мракобесием в пустынной человеческой глубине.

Глава 3

Топот и шум беготни во дворце слышался неспроста.

Умер царь, и вся прислуга носилась теперь со стороны в сторону, выполняя указания своих царствующих начальников.

Смерть обнаружил дежурный офицер.

Как и полагается в таких случаях, были вызваны для обследования придворный лекарь, его личный камердинер, обслуживающий персонал и другие.

Лекарь констатировал остановку сердца от неведомой ему болезни. Возможно, как он говорил всем чинам, это была просто простуда, от которой царь последнее время исцелялся самостоятельно.

Это же подтвердил и камердинер, поднесший как доказательство ту самую зловонную коробочку и флакон с жидкостью.

Лекарь доказал их пригодность к лечебному процессу и уверил всех, что это совершенно безвредно. Очевидно, у царя просто не выдержало сердце.

Все довольствовались данным объяснением, и вскоре после небольшого экстренного совещания было решено умолчать о каком-либо снадобье вовсе и просто огласить, что царь помер от недуга, гложившего его все время после перенесенного заболевания в раннем периоде.

Обо всем было оглашено народу, а на следующий день состоялись похороны.

После всех прилагающихся этому церемоний и уже через два дня после смерти в той самой комнате собрались на совет все главенствующие чины и начальники, а также приглашенные губернаторы волостей, на котором было решено огласить нового наследника царственного престола спустя сорок дней со дня смерти Александра.

На этом и разошлись. Власть исполняющая была поручена губернскому начальнику и руководителю земского правления.

И все бы было довольно неплохо, если бы не исчез тот злополучный документ, о котором и состоялся разговор уже после совета между вновь назначенным исполнителем и все тем же тайным советником.

Мужчины сидели в той же комнате, где сидел до этого царь и вполголоса, будто чего то, опасаясь, разговаривали.

– Иван Федорович, – обратился тот, кто сидел за царским столом, – что вы скажете по поводу исчезновения тех документов на «О».

– Я вижу, вы тоже посвящены в это дело, – сухо произнес советник.

– К великому сожалению, – так отвечал ему тот, – но вы знаете ведь, что я иногда интересуюсь у своих подчиненных, чем они занимаются на службе.

– Да, я это знаю, но, тем не менее, порадовать ничем не могу. Мною начато расследование и если бы не внезапная кончина Александра Павловича, я думаю, уже дело было бы на месте.

– А чем вам помешала смерть царя? – удивленно вскинул брови задающий тон этой беседе.

– Не столько сама смерть, сколько топот ног, – скромно ответил советник.

– А-а, понимаю, толпа скрыла все следы.

– Да, примерно так.

– Ну, что же, в таком случае, хочу пожелать вам успеха. Но вы ведь знаете, как это звучит из уст лица, исполняющего власть.

– Да, – скромно признался Иван Федорович, – знаю. Но дело не только во мне и моих подчиненных.

– А в чем же еще? – удивленно спросил сидевший за столом.

– Ходят слухи, что кто-то хочет на престол, – ничуть не смущаясь, отвечал советник, – и я склонен этому верить, особенно после позавчерашнего...

– Вы имеете в виду смерть царя? – переспросил тот.

– Да, и ее тоже.

– Я этому не верю. Думаю, что все просто подстроено: либо французами, либо кем еще.

– Думаю, вы ошибаетесь, – без тени сомнения отвечал Иван Федорович, – французам сейчас не до нас, а шведу тем более. Очевидно, что кто-то готовит новое возведение...

– Блеф все это, – не выдержал сидевший на царском стуле, – все это игра вашего воображения. Те времена уже ушли в века.

– Ну, что ж, у нас имеются свои мнения по этому. Но все же я буду исполнять свои обязанности. И, что прикажете делать дальше?

– Продолжайте расследование, – сухо ответил человек и встал со стула, – думаю, времени вам хватит до намеченного срока.

– Думаю, да, – согласился советник и, склонив голову, удалился из комнаты.

Человек вышел из-за стола и подошел к окну. На площади было тихо и спокойно.

– Да-а, – протянул он тихо, – кое в чем ты, конечно, прав, тайница. Но в чем? Тут надо подумать, – и он, оторвавшись от окна, решительно пошел на выход.

Затем, почему-то вернувшись, подошел к столу и взял бумагу.

Прочитав ее еще раз, взял колокольчик в руку и позвонил. Вошел дежурный офицер.

– Немедленно вызовите ко мне начальника тюрьмы и привезите сюда этих заключенных, – и он отдал список только что переписанных фамилий и имен людей.

Офицер, молча, повиновался, но затем, просмотрев довольно большой список, поднял глаза и уточнил:

– Они не влезут в одну карету?..

– Так возьмите две, – заторопил его отдающий распоряжение, – и побыстрее исполняйте.

– Слушаюсь, – кратко ответил тот и быстро вышел из комнаты.

– Ну и дела, – снова тихо прошептал мужчина, садясь за стол, – это сколько ж царь пожалел своих сородичей?! А может.., – тут он склонился и снова посмотрел на залитый чернилами документ, где очень смутно проступала какая-то смазанная подпись царя, – да, нет. Не может быть. Царя ведь нашли именно так. Никто сюда не входил, да и выхода другого нет. Да-с, загадка. Ну что ж, посмотрим, что тут есть еще, – и он начал просматривать другие бумаги, стопкой лежавшие здесь же на столе, тем самым занимая время в ожидании исполнения приказа.

Спустя два часа, когда человек, порядком вспотевший и уставший от просмотра бумаг, обтирал свое лицо и шею небольшим платком, в дверь постучали, а затем появился все тот же офицер.

– Ваше приказание исполнено, – четко доложил он, – разрешите пригласить сюда вызванных.

– Сначала начальника тюрьмы.

– Его здесь нет.

– А где он? – не понял сразу задающий вопросы.

– Я не знаю, – растерянно отвечал офицер, но в тюрьме его нет, а дежурившая охрана сказала, что не видела с позавчерашнего утра.

Исполняющий власть недоуменно смотрел на офицера. Видимо, это известие застало его врасплох.

– Что-то я ничего не пойму, – наконец, выговорил он, – вы говорите, что он исчез?

– Так-с, ваше превосходительство. Его нет уже третьи сутки. Так говорит охрана.

– Хорошо, я разберусь. Давайте мне пока всех этих, только по одному.

- Там есть и дети, – уточнил офицер, – как с ними?
- Так же, буду допрашивать по отдельности. Вы всех доставили сюда?
- Да, – сухо ответил и щелкнул каблуками дежурный.
- Хорошо, приглашайте согласно списку, по очереди.
- Есть, так точно, – ответил он и скрылся за дверью.

Первым в комнату вошел бывший чиновник и занимающий довольно высокий пост седовласый мужчина.

Он поздоровался и сел в предложенное ему кресло. Разговор не носил вид слишком длительной и тягостной процедуры, и поэтому, спустя минут пять он вышел.

Дальше последовала женщина с младенцем на руках и так до конца списка.

По окончании этой процедуры губернатор отпустил всех по домам, предварительно зачитав последний царский указ о помиловании.

Затем он встал и снова прошелся по комнате. Что-то не нравилось ему во всем этом, а что – понять никак не мог.

Наконец, решив, что это дело тайной полиции, он позвонил в колокольчик и вызвал дежурного офицера.

– Найдите мне главу тайного ведомства и поскорее, – кратко распорядился он и опять подошел к окну.

Спустя полчаса в комнату вошел тот, кого он вызывал.

– Искали меня, Иван Алексеевич, – дружелюбно заговорил вошедший.

– Да, – сухо ответил тот, – искал. Значит, так. Я освободил всех, кого царь последним указом помиловал. Поэтому, прошу тебя, Василий Аркадьевич, заняться всем этим. Установи должное наблюдение и сохрани все в тайне.

– Слушаюсь, – так же кратко и сухо ответил тот, – как долго?

– Не знаю пока. Но до возведения нового царя это точно.

Вошедший кивнул головой и спросил разрешения удалиться.

Губернский начальник, с минуту постояв и о чем-то подумав, добавил:

– Хорошо, иди. Только вот что. Не забывай присматривать и за тем, кто в последнюю очередь должен об этом знать.

– Царевич? – удивился тайный слуга.

– Да, именно за него я беспокоюсь.

– А, что с ним может случиться? Он ведь еще мал.

– Всякое может произойти. Поэтому, не упускай из виду.

– Хорошо, – ответил тот и снова попросил разрешения уйти.

– Иди, – согласился, наконец, губернатор и сел в рядом стоящее кресло.

Мысли кружились в его голове и как-то безропотно отражались наружу.

Он молчал и думал. И думал, прежде всего, о том, почему случилось так, что довольно еще не старый царь умер и почему он не отправил на казнь тех, кого раньше отправил в тюрьму.

Все говорило о том, что что-то готовится, но что, понять было пока невозможно.

Кому понадобилось бы умертвлять царя, если это действительно так?

Зачем это нужно? И почему отпущены эти четырнадцать человек? Что-то здесь не вяжется.

Тут он вспомнил об исчезнувшем начальнике тюрьмы. Этот-то куда подевался? Неужто, девица какая хвостом поманила?

Так нет же. У него ведь семья, дети, да и человек он вроде бы порядочный. Еще одна загадка. И надо же случиться этому именно сейчас, в канун рождества Христова, да еще в преддверии Нового года.

Мужчина заерзал на кресле и перекинул ногу на другую. Неожиданно его мысли перебросятся на исчезнувшие документы из самой канцелярии.

А что там произошло? Кому нужно то, что исчезло? Какая-то, воистину, тайная, скрытая от его глаз и ушей игра. И кто-то ее ведет совсем неплохо, если это действительно так.

Если верить тому же главе тайной полиции, то он присматривает за многими. Но можно ли доверять ему самому?!

Можно ли положиться на группу людей, окружавших, как и он, до сих пор царя?

Конечно, нет. Вопрос сам собой решался, ибо в той мелко-придворной толпе никто не гнушался лишним заработком, если речь не шла о больших вещах.

К примеру, о владении поместьем или просто землей. Постой, постой... Кто последний спрашивал меня за околотные земли?

Кажется, Овдевич. Зачем ему понадобилась она? Да еще в такое смутное время, когда повсюду вспыхивают небольшие волнения.

Тоже загадка. Вот те раз – царский указ. Да-а. Полным полно загадок. Надо все же искать корни, ибо от этого может многое зависеть.

Он снова неспеша перекинул ногу на другую и продолжил размышление. Значит, кто-то, это уже очевидно, желает присоединять земли к своему имени. Но кто? В самом деле же не Овдевич?!

Наверное, кто-то пытается подобраться исподтишка и одним махом разрешить все. Подумаем дальше. Кто должен стать после истекших сорока дней? Конечно, брат последнего царя, так как сын того еще мал и только подрастает. Но ему-то, зачем все это? Он и так получает царскую власть безо всякого. Нет. Кто-то другой кроется за всем этим.

Так и не придя к окончательному выводу, губернатор решил удалиться на обед.

Общее кушанье он не признавал и желал лучше это делать у себя в доме.

Он был граф по наследству и имел хорошее владение. Его молодые годы пока не давали проникнуть в гораздо большие тайны, нежели он знал сейчас. Но это не смущало его самого.

И губернатор всячески пытался понять и разобраться во всех кривотолках и кровосмешениях царских семей.

Издавна и очень упорно повсюду ходил слух, что когда-то давным-давно, еще до времен Ивана, отдельные родственники ушли в сторону от престола и оказались как-то за бортом этого огромного корабля власти.

Конечно, они ушли не без помощи главенствующего царя, но это все же позволяло им сохранять надежду на какое-то свое будущее. Возможно, за всем этим и стоит вся околота или заговор, а возможно, это дело и других.

Кто его знает. Но ясно пока одно. Исчезновение документа и практически одновременная смерть царя – не случайны. Возможно, кто-то действительно хотел вспомнить старое и доказать свою привязанность к трону.

Монаршеское наследие. Вот причина всех толкований и пересудов даже в самом дворце.

Монарх – это царь. Царь – это император. Последнее – это власть. Так, так, так... Надо пройти по этой цепочке. Пожалуй, начну с обеда, а то на пустой желудок что-то не идет.

И человек, пуще прежнего, зашагал вглубь коридора. Затем спустился вниз и вышел на улицу, где уже ждала давно его карета.

Отобедав и вдоволь наговорившись с малыми детьми, губернатор снова взялся за свои мысли.

Итак, начнем сначала.

Монарх? Что стоит за сим словом?

Только ли принадлежность к власти или престолу, или может быть, что еще?

Еще в старину, когда только создавались княжеские посады – к таким относились те, кто проповедовал силу слова господнего. Только именовались они по-другому: просто посадский люд.

К таким же относились и те, кто венчал себя силой власти в тех же посадах.

Итак, посадский князь или монарх. Не оттуда ли идет вся эта куролесица?

Где-то там, посреди веков лежат кости древнего посадского люду, а их потомки живы и сейчас...

Что-то не вяжется немного. Причем здесь князья и цари?

Цари, как известно, были одной ветви крови: Романовых или князей Вышегородских, хотя сами князья этого и не признавали.

Другая ветвь, очевидно, образовалась от Рюриковичей – князей древнерусских или, как принято называть, волынских.

Значит, где-то их дороги пересекались. Очевидно, кто-то, пожелавший взять на себя смелость объявить новым царем, готовится именно к этому. Но зачем?

Как зачем?

Все-таки власть верховная – это вседозволенность в государстве. А также деньги и новое орудие их добычи.

Но только ли в этом дело? Не идут ли корни глубже в старину и доказательство чего-либо?

Надо посмотреть в имперской канцелярии, что собой представляют эти Рюриковичи, и много ли их осталось.

И еще одно. Надо бы не забыть о том самом тюремном начальнике. Кому понадобилось бы его исчезновение?

Не тому ли, кто все это задумал?

Возможно. Но, как тогда привязать сюда исчезнувшие документы?

Постой, постой... А что, если они понадобились для того, чтобы кое-что изменить в них и дополнительно указать на принадлежность к какому-либо из родов? В таком случае все переигрывается вдвое.

Никто не сможет доказать подлинность документа, даже царские дворовые чиновники или архивариусы.

Итак, случись что еще – это непременно докажет мною продуманное. Что это может быть? Восстание? Заговор? Или, что еще? Посмотрим, но надо готовиться ко всему. Впрочем, можно воспользоваться даже недовольством в войсках и просто землях.

Для этого много ума не надо. Народ стоит только завести, а он сам дальше разберется. Не на это ли все показывает случившееся?..

Поняв, что нужно возвратиться во дворец, губернатор встал и, одевшись, зашел к выходу.

– Вы куда? – обратилась к нему юная супруга, – нас оставляете?

– Да, – неохотно согласился он, – но я ненадолго.

– Будем ждать, – ласково произнесла она и погрозила пальчиком.

Губернатор ответил улыбкой и, наскоро попрощавшись с ней, вышел на улицу.

Все та же карета доставила его во дворец, но по дороге он заглянул в канцелярию.

Начальника ее не было, но его все же пустили, именуя величаво – ваше превосходительство.

– Где здесь полка с буквой «Р», – обратился к одному из служащих.

– Пойдемте, я вам покажу, – предложил один из них и зашагал вглубь помещения.

Губернатор последовал за ним, и вскоре они оказались на месте.

– Вы идите, – строго приказал он служащему, и тот поспешно удалился.

Сам же, найдя нужную ему папку, дотянулся до нее рукой и вытянул наружу.

– Так, так, так, сейчас посмотрим..., – тихо шептал он сквозь губы, но, развернув папку, чуть было не упал со стула, заведомо предусмотрительно кем-то оставленного.

Там ничего не было, за исключением каких-то пустых листов и обычных штампованных бланков.

– Ну и дела, – так же тихо проронил он и почти бегом бросился к выходу.

– Запереть дверь, – распорядился он, обращаясь к дежурившему охраннику, – а всем служащим собраться здесь, подле меня.

Тот видимо очень испугался от такого решения и чуть было не опрокинул стул, на котором сидел, бросаясь исполнять указание.

По дороге зазвонил колокольчиком, давая знать всем присутствующим собраться возле его стола.

Дверь надежно закрыли, и губернатор, молча, ждал пока все соберутся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.